

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-10-11

УДК 32.01

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Жуковский А.Г.

В статье проведен анализ проблем, связанных с различной методологией политологического исследования. Показано, что существует ряд научных парадигм, которые подчас противоречат друг другу. Предлагается основываться не на взаимоисключении различных парадигм политологического исследования, а на установлении компромисса между ними, выявлении точек соприкосновения и формулировании некоторых общих положений, которые в равной степени могли бы быть признаны представителями различных школ и концепций.

Ключевые слова: методология; методологический плюрализм; политология; современное общество; аналитико-парадигмы политологического исследования.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE IN POLITICAL SCIENCE

Zhukovsky A.G.

The article looks at various methodological problems in political science. It shows that the existing scientific paradigms are contradictory and suggests avoiding mutual exclusion of different paradigms in political studies. Instead the author suggests looking for a compromise between various political paradigms and formulating the provisions they share in common so as they would be acceptable for the representatives of various schools and concepts.

Keywords: methodology; methodological pluralism; political science; modern society; analytical paradigms of political study.

Во второй половине XIX века произошло выделение политической теории как самостоятельной гуманитарной дисциплины. Поставим вопрос – как соотносится термин «политическая теория» с политической практикой и практической политологией. Среди исследователей, работающих в различных областях гуманитарного знания, сложились значительные разночтения во взглядах на данный вопрос. Во многом взгляд на природу политической теории зависит от того, как те или иные исследователи понимают науку о политике.

В сфере философии науки ведутся дискуссии о возможности применения термина «наука» к объяснению явлений общественной жизни и политики. Поскольку термин «наука» столь же многогранен, как и термин «теория», следует обратиться к самому значению слова «наука» в его латинском эквиваленте: *scire* означает «знать», отсюда можно вывести определение науки как знания, информации об окружающем мире. Следовательно, этот термин в равной степени можно применять как к познанию законов природы, так и к изучению феноменов социальной жизни, в данном случае – политики, политической жизни и политических процессов.

Можно определять политическую теорию как область знания, направленную на раскрытие сущности власти, содержания и характеристик политической деятельности. В числе основных задач политической теории, как правило, называют постановку проблемы, подлежащей исследованию; создание границ исследовательского наблюдения; выработку направления развития идей; создание условий для обмена идеями в политической науке, позволяющие находить как различия, так и общие основания между разными парадигмами политологического исследования [1].

Споры о статусе и характере политической теории начались в 1940-х – 1950-х гг., до этого наблюдалось относительное единство по вопросу об определении политической теории, отождествляемой с историей политической мысли и изучением государства и его институтов. Рассуждая о политической теории, М. Смит еще в 1886 г. утверждал, что главной задачей политической науки является историческое и сравнительное изучение государства и существующих относительно этого вопроса точек зрения [2]. Политическая теория рассматривалась как непосредственно связанная с политическими идеологиями, с учениями о надлежащем управлении государством.

До середины XX в. безусловным авторитетом обладала трехтомная работа У.А. Даннинга «История политических теорий» [3], автор которой руководствовался методом описания и концептуального анализа существующих на Западе политических теорий. На первое место он ставил изучение трансформаций политического сознания, акцентируя внимание на динамичности политики. Политическая теория рассматривалась как необходимый инструмент, который над-

лежит использовать в сфере практической политики для достижения ее наибольшей эффективности и результативности. Работа Даннинга свидетельствовала о большом прогрессе в области методологии политологии. «Политическая теория», – пишет, характеризуя работу Даннинга, Э. Фёгелин – любая идея, не столь важно, интегрирована она в научную систему или нет, которая стремится объяснить происхождение, природу и границы власти правителей» [4].

По нашему мнению, суждения относительно природы политической теории разошлись, чему во многом способствовала деятельность представителей Чикагской школы, в первую очередь Чарльза Мэрриам и Гарольда Лассуэлла, которых называют основными творцами «бихевиоральной революции» в западной политической мысли [5]. Что же следует считать политической теорией?

В литературе по методологии политических наук встречается несколько трактовок понятия «политическая теория». Прежде всего, следует отметить отождествление политической теории с историей политической мысли. Случай, когда в качестве политической теории рассматривается совокупность взглядов политических мыслителей настоящего и прошлого, политические идеологии. Данная точка зрения на политическую теорию оставалась господствующей вплоть до «бихевиоральной революции» второй четверти XX века, однако и в современный период ее придерживаются многие ученые. В.Ю. Сморгунова, характеризуя положение в политической науке во второй половине XX в., отмечает: «...все меньше используется понятие политической теории, а сфера ее ограничивается только историей политической мысли ...» [6].

Для концепций, развивающихся в традиции позитивизма в наибольшей степени характерно рассмотрение политической теории как методологии анализа результатов исследовательской деятельности.

Еще одна точка зрения – позиционирует политическую теорию как «общий свод направлений относительно способов исследования политической реальности, формирующих определенную проблемную ориентацию» [7]. В этом случае политическая теория выступает в качестве директивы для исследователя, позволяющего выделить основные вопросы и обозначить пути их решения.

Политическую теорию часто отождествляют с социально-философскими построениями, точнее, с той областью социальной философии, которая задается вопросами власти, политического устройства общества, осмыслением политических процессов. В этом случае элементы политической теории можно найти в работах большинства видных социальных философов, начиная с мыслителей античности и Древнего Востока и заканчивая постмодернистами. Здесь мы опять должны вернуться к периодизации методологии политических наук. Вплоть до

1930-х – 1940-х гг. политическая теория, действительно, представляла собой скорее область социальной философии, поскольку основывалась на философских рассуждениях относительно моральных норм и ценностей, идеальных форм общественного устройства, а также путей их достижения, которые аргументировались оценочным путем и, следовательно, не являлись не истинными, не ложными, поскольку невозможна их эмпирическая верификация. Эта характеристика подходит ко всем нормативным политическим теориям.

Концепция политической теории, господствующая на Западе в течение последнего столетия, характеризуется – по Р. Эшкрафту – преобладанием философских методов и аргументов. История политической мысли приобретает лицо философии, поскольку политическую теорию пытаются определить с помощью абстрактных философских понятий. Критикуя подобное положение вещей, Эшкрафт замечает, что философская доминанта в политической теории способствует дальнейшему отрыву политической теории от социально-исторических условий; способствует ее отрыву от непосредственных политических целей и, следовательно, от практической политики [8].

Создается впечатление, что политические мыслители осуществляли соответствующие изыскания вне исторического контекста, вне реалий эпохи и общества, в котором они жили, что политическая теория представляет собой лишь совокупность определенного количества авторов, писавших (или пишущих) на темы социально-политического устройства общества, руководствуясь не социальными реалиями и историческим опытом, а исключительно собственными умозрительными заключениями. Однако подобное дистанцирование политической теории от истории ведет за собой отмежевание от текущей политической борьбы, что уже само по себе делает политическую теорию бесполезной и бессмысленной с практической точки зрения. По мнению ряда исследователей, стремление к дистанцированию политической теории от практической политики может быть продиктовано опасениями относительно того, что вовлеченная в реальную политику политическая теория потеряет свое «научное значение», превратившись в разновидность политической пропаганды, в инструмент, используемый профессиональными политиками для усиления собственных идеологий, придания программам политических партий и кандидатов «тяжеловесности» за счет активного использования научной риторики.

Становясь на сторону какой-либо идеологии, выражающей интересы определенного социального слоя, класса или группы лиц, политический мыслитель де-факто становится лишь «политическим глашатаем», только работником пропагандистской сферы.

Можно представить политическую теорию и в качестве системы понятий. В частности, такие понятия, как «власть» или «демократия», уже сами по себе являются теориями. Мы го-

ворим о теориях власти или теориях демократии, признавая множество различных и, зачастую, противоречащих друг другу подходов. Демократия, коммунизм, фашизм, анархизм в конечном итоге выступают не только формами общественного устройства, но и теориями, в рамках которых конкретная форма общественного устройства наделяется приоритетным значением и противопоставляется другим формам общественного устройства.

В рамках каждой теории выделяются направления и концепции, которые могут наделять ее совершенно разным значением. Так, теория демократии в трудах мыслителей европейского либерализма существенно отличается от понимания демократии неомарксистскими авторами.

Опасность заключена в отождествлении политической теории с понятийной структурой, возникающей при построении системных моделей политической реальности, поскольку они представляют собой примитивизированные и, в то же время, идеализированные фрагментарные схемы мироустройства, в которые встраиваются понятия и, как следствие, политическая теория [9].

Наконец, политическую теорию можно вывести на уровень только описательных характеристик политологического исследования, превратив ее в простое комментирование достигнутых в ходе исследования результатов.

Методология играет роль «ящика с инструментами» для участника и исследователя политического процесса.

В политической науке достаточно проблематично отделить научные знания о политике от комплекса мировоззренческих и философских убеждений. Политика остается предметом рассуждений многих людей, она представляет несомненный интерес для граждан, так или иначе участвующих в политических процессах. Однако не все, что является рассуждением о политике, представляет собой политическую науку или политическую теорию. И, тем не менее, в обществе, а порой, и в научной среде, господствует заблуждение о кажущейся «простоте» политической науки.

Происходит ошибочное отождествление политологии с обычным здравым смыслом [10], отсекается потребность в изучении сложных методологических вопросов.

Между тем, именно знание политической методологии позволяет отделить научное знание от знания обыденного, провести границу между распространенным представлением о политике и ее научным пониманием, опирающемся как на эмпирические данные, так и на результаты теоретического анализа.

В деонтологических и консеквенциалистских теориях ключевыми моментами, – по мысли В.П. Макаренко, – являются цель, долг и выбор. Согласно консеквенциалистским теориям,

ценность следует обеспечивать, согласно деонтологическим – уважать. Таким образом, если один тип теорий ориентирован на достижение ценностей, то второй от ценностей независим, он определяет выбор без посылки к ценностям. В данном случае субъект уважает, но не обеспечивает ценности, рассматривая в качестве последствий политического выбора оптимизацию положения людей и вещей.

«Политическая теория может базироваться на цели, и тогда главной считается определенная цель (например, рост общего благосостояния), на праве, когда на первый план выдвигается определенное право (например, право людей на максимум свободы), или на долге, и тогда ее сторонники признают главной определенную обязанность (например, послушание воле Бога, выраженной в десяти заповедях). Можно привести примеры абсолютно и относительно чистых случаев, подпадающих под каждый тип теории. Утилитаризм – это теория, основанная на цели. Категорический императив Канта есть теория, основанная на долге. А теория революции Томаса Пейна опирается на право» [11].

Консеквенциалистские теории ориентированы на выбор политических институтов, которые в наибольшей степени способны к обеспечению свободы. Однако достижение и сохранение свободы общества понимается здесь как возможное исключительно благодаря подавлению тех проявлений социально-политической активности отдельных индивидов и групп индивидов, которые представляют для свободы определенную угрозу. При этом признаются возможными и оправданными репрессии в отношении угрожающих свободе групп. В качестве примера можно привести деятельность различных политических экстремистских организаций ультраправой или ультралевой ориентации, которые для достижения своих целей согласны на любое обострение положения, вплоть до революции и гражданской войны.

Деонтологический подход не стремится к обеспечению свободы в обществе любыми средствами, принципиально отказываясь от применения насилия в отношении инакомыслящих. Если консеквенциалисты стремятся к обеспечению свободы, сторонники деонтологических теорий призывают уважать свободу, признавая право на свободу выражения взглядов политических меньшинств, даже в том случае, если они провозглашают покушение на господствующие в обществе ценности. Различия деонтологического и консеквенциалистского подходов особенно убедительно проявляются в отношении к политическим институтам. Подчеркивая эти различия, Д. Ролз указывает, в частности, что если понимать политические институты как служащие определенной цели, к примеру, обеспечению ценности свободы, это совершенно не значит, что люди, участвующие в деятельности данных политических институтов будут ру-

ководствоваться в своих действиях именно данной целью, а не какими-либо другими соображениями.

Возрождение интереса к политической философии в последние десятилетия XX в. во многом было продиктовано вышедшей в 1971 г. работой Джона Роулза «Теория справедливости», которая ориентировала политическую теорию на поиск политического идеала и воплощение в обществе идеала справедливого устройства. Дело заключается в установлении баланса между интересами граждан, каждый из которых руководствуется собственными целями и задачами. Возникает потребность в определенной процедуре, с помощью которой конкурирующие интересы граждан будут в той или иной мере уравновешены. Далее Роулз возвращается к теории общественного договора, полагая что честность соглашения, заключаемого между гражданами, будет подтверждаться их согласием с основными принципами устройства общественного идеала. Таким образом, в ходе общественного договора индивиды определяют для себя понятие справедливости, в соответствии с которым и должна строиться их дальнейшая деятельность, формирование и функционирование политических институтов.

Таким образом, предполагается несколько условий, необходимых для заключения гипотетического общественного договора: во-первых, возможность и необходимость сотрудничества индивидов; во-вторых, стремление индивидов к получению определенных приоритетных благ (к ним Роулз относит основные права и свободы личности, власть, благосостояние и социальное самоуважение); в-третьих, индивиды ориентированы на рациональное распределение; в-четвертых, заключение общественного договора обеспечивается минимальными моральными нормами; в-пятых, заключающие договор индивиды обладают чувством справедливости и готовы одобрить предложенные принципы.

Как видим, теория справедливости Роулза, базируется на исторической традиции европейского либерализма, но при этом, в отличие от либеральных мыслителей Нового времени, он рассматривает общественный договор не как феномен истории, а как научную гипотезу, усиливая свои философские построения данными эмпирических дисциплин. Политическая теория должна освободиться от индивидуальных идеологических предпочтений и эмоций мыслителя, руководствуясь исключительно логически проверенными утверждениями. Для этого следует создать общие принципы политической теории, по аналогии с теми, которые существуют в логике или лингвистических дисциплинах.

Политическая теория (Н. Бови и Р. Саймон) направлена на объяснение политического дискурса, поскольку она описывает и анализирует важнейшие понятия «власти», «права», «справедливости» и т.д [12].

В выступлениях политических лидеров, программных документах политических партий, публикациях в средствах массовой информации эти понятия употребляются постоянно, ссылками на них пользуются для определенных политических действий, их представляют в качестве целей, реализация которых позволит построить более справедливое общество. Однако в ответе на вопрос о том, что же такое «права человека», «свобода» или «справедливость» и состоит основная функция политической теории.

В отличие от веры, как иррациональной убежденности людей в чем-либо, научное знание опирается на достоверную информацию, полученную в результате исследований, проведенных по определенным методологическим принципам. Главным методологическим вопросом в политологии является определение критерия научности и возможности его применения в сфере гуманитарного знания. Ответ на этот вопрос можно получить, обратившись к общепринятым точкам зрения на научное знание, которые характеризуются акцентированием внимания на критериях познания и вырабатывают определенные правила, в соответствии с которыми можно определять научность той или иной дисциплины. Методология рассматривает науку не в качестве продукта деятельности человека, а как путь к познанию мира, в соответствии с чем возникает потребность в четкой постановке задач, выявлении функций науки, для чего и формулируется научный метод.

Развитие их методологии политологических исследований происходило постепенно, в русле развития методологического инструментария гуманитарных наук. Имеет смысл остановиться на периодизации политической методологии. Как правило, выделяется несколько этапов развития политической методологии:

- классический (до XIX века), характеризующийся дедуктивным, логико-философским и морально-аксиологическим подходами;
- институциональный (середина XIX – начало XX в.), отдающий предпочтение историко-сравнительному и нормативно-институциональному методам;
- бихевиоралистский (1950-е – 1970-е гг.), когда начали использовать количественные методы, постбихевиоралистский (с конца XX века), который сочетает новые и старые методы исследования [13].

Классический период в развитии политической науки был всевластием нормативной политической теории, однако уже на этом этапе развития политологического знания использовались сравнительный, а несколько позже – компаративный анализ. К последнему, осуществляя сравнение политических режимов, существовавших в Англии и Франции, прибегали иссле-

дователи эпохи Нового времени Дж. Форте, Ш. Монтескье. Позже сравнительный анализ политической жизни вышел на новый уровень, что связывается с именами Дж. Милля, К. Маркса и Ф. Энгельса. На первое место выходит сравнительный анализ государственных систем и политических институтов, при этом в активный обиход вводятся данные эмпирических исследований.

На смену классическому и институциональному периодам в развитии методологии политической науки приходит бихевиоралистский период, который связывают с «бихевиоральной революцией» в американской политологии в 1930-е гг. Следуя позитивистской традиции, бихевиоралисты выдвигают эмпирическую верификацию в качестве главного методологического принципа политической науки, объясняя политические процессы использованием данных естественных наук, в частности, биологии, медицины, психологии.

Постбихевиорализм (1960-1970 гг.) характеризуется возвращением интереса к качественным аспектам политики, к нормативной политической философии, однако постбихевиоралисты не отказываются от научных достижений, которые были сделаны политологией в бихевиоралистский период. К 1970-м гг. напряженность в дискуссиях между представителями позитивистской парадигмы и нормативных политических теорий, вызванная «бихевиоральной революцией» в американской политологии, постепенно сошла на нет и в политологической науке укрепились теории среднего уровня, успешно сочетающие элементы и нормативной политической теории, и эмпирической науки [14].

Подобная классификация периодов в развитии методологии политической науки представляется недостаточно точной, поскольку оставляет без внимания значительные направления в политической науке, не вписывающиеся в указанную периодизацию. Речь идет, в частности, о неомарксистских концепциях, в первую очередь – о критической теории Франкфуртской школы, которая, с одной стороны, опирается на психоанализ (фрейдомарксизм), а с другой – подвергает позитивистскую философию, социологию и политологию критике, под огонь которой попадает и ортодоксальный марксизм. Именно в нем представители критической теории видят зеркальное отражение позитивизма.

В современной методологии политической науки, существующие концепции различаются настолько, что если для одних характерно отрицание самой методологии, то другие выдвигают достаточно определенные принципы.

В современной политологии, наряду с возрождением интереса к нормативной политической теории, «реинкарнацией» институционализма наблюдается наличие некоторого пренебрежения со стороны ряда исследователей к научному методу как таковому, которое сосуще-

ствуется с плюрализмом мнений, т.е. признанием равноценности различных концепций при отсутствии некоего общего критерия истины [15]. И, тем не менее, научный метод сохраняет свое значение и рассматривается значительным количеством ученых, как «современный образец рационального мышления» [7].

Авторитет научного метода обуславливается тем, что он ориентирован на эксперимент, на использование материала, полученного в результате эмпирических наблюдений при последующем анализе их результатов. В отличие от умозрительных заключений, продиктованных личным взглядом конкретного мыслителя на происходящие политические процессы, эксперимент доступен разным ученым, вне зависимости от времени и места осуществления. То есть неограниченное количество исследователей, руководствуясь научным методом, могут прийти к общему результату, что, безусловно, свидетельствует в пользу эффективности данного подхода. Для получения наиболее подробного и адекватного представления о политических процессах, необходимо синтезировать результаты, полученные различными исследователями в ходе их экспериментальной практики и теоретического анализа, поэтому возникает необходимость в коммуникации между различными точками зрения. То есть, научным методом может быть признан лишь тот метод, в рамках которого возможно достижение консенсуса между различными исследователями.

Поэтому современная методология политической науки основывается не на взаимоисключении различных парадигм политологического исследования, а на установлении компромисса между ними, выявлении точек соприкосновения и формулировании некоторых общих положений, которые в равной степени могли бы быть признаны представителями различных школ и концепций.

Поскольку естественные науки обладают большим методологическим инструментарием и очевидной результативностью и эффективностью, применение методологии естественных наук в сфере социально-гуманитарного знания не только допустимо, но и желательно и даже необходимо.

Согласно нашим ожиданиям, политические науки должны располагать определенным багажом знаний, превышающим по своей эпистемологической ценности обыденные знания и точки зрения. Не только описание и пояснение, но и понимание и прогнозирование общественных явлений входит в компетенцию политических наук, что обуславливает необходимость в научности, в переносе в плоскость политических наук методов, применяемых в науках естественных. В то же время, не следует абсолютизировать значение аналитически-эмпирической модели для политологии, поскольку ее абсолютизация столь же неадекватна, сколь и пренебрежение ей.

Таким образом, для политической науки наиболее оптимально комплементарность различных методологических подходов, каждый из которых обладает определенным рядом достоинств и недостатков. Такое сочетание различных парадигм политологического исследования может в значительной степени компенсировать недостатки, присущие той или иной методологии.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Современные политические теории. – М., 2001.
2. Smith M. The Domain of Political Science // *Political Science Quarterly*. 1886. № 1. Pp. 1-8.
3. Dunning W.A. A History of Political Theories. In 3 vols. – NY, 1902, 1905, 1920.
4. Фёгелин Э. Политическая теория и паттерн общей истории // *Политическая теория в XX веке*. – М., 2008. С. 87.
5. Жуковский А.Г. Современные парадигмы политологического исследования: модели взаимодействия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2011.
6. Сморгунова В.Ю. Феномен политического знания. – СПб, 1996. С. 242.
7. Крауз-Мозер Б. Теории политики: методологические принципы. – Харьков, 2008. С. 59.
8. Эшкрафт Р. Политическая теория и проблемы идеологии // *Политическая теория в XX веке*. – М., 2008. С. 366-367.
9. Easton D. Alternative Strategies in Theoretical Research // *Varieties of Political Theory*. – New York. 1966. Pp. 1-13.
10. Крауз-Мозер Б. Теории политики: методологические принципы. – Харьков, 2008. С. 11.
11. Dworkin R. Taking Rights Seriously. – London, 1978. Pp. 172-173 / Цит. по: Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. – М., 2002. С. 59-60.
12. Bowie N., Simon R. The Individual and the Political Order. – Englewood Cliffs, 1986.
13. Ганнел Д. Политическая теория: эволюция отрасли // *Вестник Московского университета*. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 66.
14. Байме К. фон. Политическая теория: эмпирическая политическая теория // *Политическая наука: новые направления*. – М., 1999. С. 496.
15. Жуковский А.Г. Проблема методологического плюрализма политической науки // *Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС*. 2010. № 2. С. 124.

References

1. Alekseeva T.A. *Sovremennye politicheskie teorii* [Present-day Politological Theories]. – M., 2001.
2. Smith M. The Domain of Political Science. *Political Science Quarterly*. 1886. № 1. Pp. 1-8.
3. Dunning W.A. *A History of Political Theories*. In 3 vols. – NY, 1902, 1905, 1920.
4. Fegelin E. Politicheskaya teoriya i pattern obshchey istorii [Politological Theory in the 20th Century]. *Politicheskaya teoriya v XX veke*. – M., 2008. P. 87.
5. Zhukovskiy A.G. *Sovremennye paradigmy politologicheskogo issledovaniya: modeli vzaimodeystviya* [Modern Paradigms of Politological Study: Interaction Models]. – Rostov-na-Donu: SKAGS, 2011.
6. Smorgunova V.Yu. *Fenomen politicheskogo znaniya* [The Phenomenon of Knowledge in Political Science]. – SPb, 1996. P. 242.
7. Krauz-Mozer B. *Teorii politiki: metodologicheskie printsipy* [Theory of Politics: Methodological Principles]. – Khar'kov, 2008. P. 59.
8. Eshkraft R. Politicheskaya teoriya i problemy ideologii [Political Theory in the 20th Century]. *Politicheskaya teoriya v XX veke*. – M., 2008. Pp. 366-367.
9. Easton D. Alternative Strategies in Theoretical Research. *Varieties of Political Theory*. – New York. 1966. Pp. 1-13.
10. Krauz-Mozer B. *Teorii politiki: metodologicheskie printsipy* [Theories of Politics: Methodological Principles]. – Khar'kov, 2008. P. 11.
11. Dworkin R. Taking Rights Seriously. London, 1978. Pp. 172-173 / Tsit. po: Makarenko V.P. *Analiticheskaya politicheskaya filosofiya*. – M., 2002. Pp. 59-60.
12. Bowie N., Simon R. *The Individual and the Political Order*. – Englewood Cliffs, 1986.
13. Gannel D. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 1993. № 1. Pp. 66.
14. Bayme K. fon. *Politicheskaya nauka: novye napravleniya* [Political Science: New Branches]. – M., 1999. P. 496.
15. Zhukovskiy A.G. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie: uchenye zapiski SKAGS*. 2010. № 2. P. 124.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Жуковский Александр Георгиевич, доктор политических наук, доцент

*Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи и информатики
(СКФ МТУСИ)*

*ул. Серафимовича, 62, Ростов-на-Дону, Ростовская обл., 344002, Россия
zhykovskij@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zhukovsky Aleksandr Georgievich, PhD in Political Science, Assistant Professor
*North Caucasian branch of the Moscow Technical University of Communications and Informatics
st. Serafimovicha, 62, Rostov-on-Don, Rostov region, 344002, Russia
zhykovskij@mail.ru*